

**Владимир
КРЕЧЕТОВ**

г. Санкт-Петербург

КИТОВАЯ ОХОТА

«**П**ристегнуть ремни, вернуть кресла в исходное положение, через двадцать минут мы совершим посадку в международном аэропорту имени Юрия Рытхэу города Анадырь. Температура воздуха – плюс восемь градусов Цельсия», – прозвучало в салоне самолёта.

Начало августа, мы едем отдыхать к морю. Здесь не Сочи, искупаться не получится.

Чукотка – край земли, суровый, пронизываемый холодными ветрами Арктики и омываемый ледяными водами Берингова и Чукотского морей. Тут проходят сто восьмидесятый меридиан и линия перемены дат, отсюда начинается новый день. Между американским островом Крузенштерна и российским – Ратманова, где проходит линия перемены дат, менее четырёх километров. Их ещё называют «остров Завтра» и «остров Вчера». Если американцам захочется заглянуть в будущее, им надо только посмотреть в сторону российского острова, и они увидят будущий день, а 31 декабря – следующий год.

В зале аэропорта нас, сборную группу из двенадцати человек, встретил приветливой улыбкой гид. Знакомиться между собой туристы не стали, бесполезное это дело, сразу все имена не запомнить. Погрузили чемоданы и рюкзаки в два микроавтобуса и поехали на паромную переправу. Станным показалось расположение города Анадырь: добираться до него надо через лиман, но ведь здесь очень часто бывают штормы. В межсезонье, когда лёд весной уже слабый для проезда, а осенью ещё не окреп, город оказывается как бы в блокаде. Не проще ли было разместить на одном берегу город и аэ-

ропорт? Кому-то мои размышления покажутся нелепыми. Наверняка были веские причины этого не делать. Так можно и о Санкт-Петербурге сказать: зачем построили город в дельте реки на болоте? Вот если на десять километров выше по течению Невы, то не было бы в городе частых наводнений. Но именно благодаря своему расположению Санкт-Петербург с его островами, каналами и мостами стал одним из красивейших городов мира.

Паром оказался совсем маленьким, поместились только два наших микроавтобуса. Дул резкий ветер, судно сильно раскачивалось. Подумалось: «Это же плоскодонка, не перевернуться бы».

Поселили нас в гостинице «Анадырь» в самом центре города. Это не единственный отель, есть еще «Чукотка» – более дорогой. Но мы планировали провести здесь всего одну ночь, так что особый комфорт не обязателен. Оказалось, что и в нашем отеле номера очень даже приличные, как принято теперь говорить, «европейского уровня».

Мы с попутчицей Надеждой бросили вещи в номере и сразу пошли знакомиться с городом. Вместе мы путешествуем уже около десяти лет. Надежда рассказывала:

– В Анадырь приезжала известная писательница Татьяна Устинова, здесь разворачивались события её очередного детектива. В семнадцатом доме по улице Отке, – Надежда указала рукой, – проживала главная героиня.

– Станные люди эти писательницы.

– В чём ты находишь странность?

– Женщина создана природой для любви: к муж-

чине, детям, вообще ко всему миру. И женщины-писатели, как тонко чувствующие натуры, должны отображать любовь. А что получается на самом деле: читаешь их романы, и создаётся впечатление, что у современной женщины есть всё, всем она довольна, не хватает только трупов.

- Какой ну-у-удный, как только жёны тебя терпели?
- А они долго и не терпели.

Люди, приезжающие на отдых, обычно сразу идут к морю, мы тоже не исключение. Вышли к бетонной набережной, а она совсем не похожа на черноморскую, это просто причал для небольших судов. Над морем низко висели свинцовые тучи, поэтому вода казалась чёрной. Волны с грохотом и брызгами обрушивались на причал. Недалеко от берега мы увидели три тёмных головки нерп, торчащие среди волн. Рядом с ними появилось на секунду белое тело белухи. Биологи относят их к китам, хотя чисто внешне они очень похожи на дельфинов. Белоснежные тела ещё двух китов одновременно вынырнули из чёрных волн лимана и тут же исчезли.

Вдоволь надышавшись морским воздухом и подмёрзнув на пронизывающем августовском ветру, мы возвращались в отель другой дорогой, шли по улице Южной. До Северного полюса рукой подать, а тут вдруг – улица с таким курортным названием. Я предполагал, что все топонимы в городе связаны с именами героев-полярников или с Севером. На Шпицбергене, например, я увидел плакат на доме: «Следующая остановка – Северный полюс». Но люди мечтают о южном солнце. На одном из домов красовались рядом две вывески: «улица Южная» и «Редакция газеты «Крайний Север». В этот сумрачный день яркие пятна разноцветья домов украсили милый северный городок, напоминающий мне итальянский Мурано.

Назавтра по программе планировалось продолжить знакомство с городом, послезавтра мы уже должны вылететь в посёлок Лаврентия, а оттуда на внедорожниках доехать до Лорино, где предстояло принять участие в охоте на серых китов.

Три дня просидели в аэропорту. Вылет задерживался. Кто-то сказал, что в районе посёлка Лаврентия был сильный дождь и посадочную полосу размыло, требуется время на её восстановление, потому что на лётном поле – грунтовка.

Эти три дня не были для меня в тягость: аэропорт современный, с буфетами и киосками сувениров и всегда свободными местами для сидения, несмотря на нелётную погоду. Ночёвку нам предоставили в отеле посёлка Угольные Копи. Номера, как и в Анадыре, вполне комфортные. Возможно, для того, чтобы привести наше психическое состояние в равновесие, гид Роман презентовал к ужину две бутылки дагестанского коньяка и каж-

дому по миске лососёвой икры, а для адаптации к местной кухне – копчёное китовое мясо. Видя, как я столовой ложкой уминаю икру, он выдал мне ещё одну порцию в качестве добавки.

Уже в номере я спросил Надежду:

- После сегодняшнего вечера ты сможешь сделать умозаключение, что жизнь удалась?
- Женское счастье не в еде.

– А-а ...

– И не в этом.

– В золоте и бриллиантах?

– Дожил до седых волос и не знаешь.

– Женщина – это загадка, и как только мужчина её разгадает, отношения сразу заканчиваются и случается развод. В чём же женское счастье?

– Книжки читать надо, – Надежда засмеялась.

– Неужели в труде?

– Да ну тебя!

На четвёртый день нас наконец пригласили на посадку. Самолёт оказался маленьким. Я сидел во втором ряду и видел перед собой открытое багажное отделение, в проёме хорошо просматривалась кабина пилота с приборной доской. И взлёт, и посадка прошли очень мягко.

Здание аэропорта в посёлке Лаврентия совсем маленькое – входишь, делаешь лишний шаг и ...оказываешься на улице. А там нас уже ждали гид Михаил и две «буханки» – УАЗы-внедорожники. До Лорино нам предстояло проехать на них около тридцати километров.

В пути наш водитель вдруг остановил машину и попросил всех выйти. С гордостью, словно огородник, вырастивший необычные огурцы на своём участке, он указал: «Посмотрите на эти облака! Я побывал во многих местах, но нигде в мире не видел таких необычных облаков. Только у нас на Чукотке можно насладиться этой красотой». Мы с интересом рассматривали небо. Никогда не задумывался, что в разных районах мира облака могут резко отличаться.

Поселили нас с Надеждой в новом двухэтажном доме в однокомнатной квартире со всеми современными удобствами. Спустились вниз, в ближайшем магазинчике закупили продукты, и с приготовления обеда началось наше освоение Севера.

– Владимир, ты почему не собираешься? Завтра рано вставать. Не забыл, что идём на китовую охоту? На море будет холодно, приготовь тёплую одежду.

– Не хочется ехать, никогда никого не убивал.

– Да тебе гарпун никто не доверит. Мы будем только смотреть, как чукчи охотятся.

– Смотреть на убийство – нет уж, уволь.

– А ты мясо ешь? Говядину, свинину?

– Покупаю в магазине, готовлю, потом ем.

– А ведь эти животные когда-то бегали по зем-

ле, потом их кто-то убил, а ты съел. Если бы не ел, то и не убивали бы.

– Ты как училка школьнику-двоечнику объясняешь: откуда мясо берётся и кто его ест. Если я мясной пищи не поем, хожу голодный. Мне же физическим трудом приходится заниматься, ну а зимой без мяса вообще мёрзну.

– А Чукотка где находится? На берегу Индийского океана? А у всех чукчей сидячая работа? За компьютерами? У них мясо кита, моржа – основная пища. Ну и рыба, конечно. Ты сейчас будешь обижаться, но я приведу ещё один детский пример: можно ловить рыбу сетками, а можно удочкой. Так вот, чукчи охотятся на китов не на катерах с гарпунными пушками, а с помощью гарпунов, напоминающих копья. Вот такое примитивное орудие лова, как и много-много лет назад. Для них охота – единственный способ выживания, а не какое-нибудь развлечение.

– Ты меня уговариваешь пойти на охоту, потому что со мной чувствуешь себя уверенней.

– Ну конечно, ты меня своей грудью защитишь от нападения кита.

– Не смейся надо мной, у меня хоть грудь впалая... зато спина колесом.

Надежда рассмеялась:

– Я так и не поняла, чем ты собираешься меня защищать: грудью или спиной?

– Хватит измываться, успокойся, поеду на охоту.

* * *

В пять часов утра мы должны быть на берегу залива, поэтому будильник поставил на четыре. Выглянул в окно: белая ночь, три пацана лет десяти ремонтируют велосипед. В четыре утра! Лето на Чукотке короткое, надо успеть накрутить километры. В посёлке есть школа, все одиннадцать классов. Директор – армянин, он же учитель русского языка.

Когда мы вышли на берег, охотники вели неторопливые приготовления. Чукчи всё делают не спеша, им потеть никак нельзя, иначе потом можно замёрзнуть. Нам, туристам, выдали спасательные жилеты, и мы сели в алюминиевые моторные лодки.

Несколько моторок выехали из маленькой бухточки в открытое море. В нашей лодке было четверо туристов и коренастый капитан Паша, стоявший за штурвалом. Я занял место рядом с ним. Дул холодный сильный ветер, по морю ходили белые «барашки». А тёплых ветров здесь и не бывает, ведь совсем недалеко, за мысом Дежнёва, Северный Ледовитый океан. Лодка подпрыгивала на волнах, обдавая нас ледяными брызгами. Китов не было видно. Мне даже показалось, что в такую непогоду мы никого не найдём. Вдруг я увидел вдали фонтанчик и показал ру-

кой. Паша вскрикнул и направил лодку в эту сторону. Все другие охотники ринулись туда ... Но кит исчез.

– Паша, а сколько китов вы вылавливаете?

– Международный комитет определяет квоту на каждый год, и на большее мы не имеем права.

– Да кто тут сможет контролировать?

– На каждого убитого кита заводится подобие паспорта, где указывается дата вылова, размер и даже фамилия гарпунёра. Пограничники контролируют. Да нам хватает. А если нарушим, могут лишить квоты.

Я посмотрел в направлении Пашиного взгляда. Две тёмные китовые спины показались на несколько секунд из воды.

– Ты же видел китов, почему не реагируешь?

– Если мы загарпуним одного, второй разозлится и все наши лодки разнесёт в щепки.

Вдруг кит выплыл в полутора метрах от нашей моторки. Всё во мне смешалось – и страх, и азарт.

– Паша, почему у тебя нет гарпуна?

– Гарпунёрами не все могут быть, тем более у меня в лодке туристы.

– А что, если бы кит перевернул лодку?

– Ты же плавать умеешь? До берега доплывёшь.

– Да ты, однако, шутник. До берега километра три будет, не меньше. А в ледяной воде и пяти минут не выдержать.

– У нас, чукчей, принято, если человек упал за борт, его не спасают.

– Как так? Почему не спасают?

– Духи моря хотят принять жертву, и им не надо мешать, иначе весь посёлок болеть будет.

– Какие духи? Двадцать первый век!

Паша рассмеялся:

– Испугался? А в старые времена так и было. Но сейчас другое дело. Если что случится, сбрасываем в море добычу и быстро везём пострадавшего к доктору.

– А были случаи, когда кит нападал на лодку?

– Пару недель назад кит долбанул хвостом так, что корму подняло в воздух. Но я удержался в моторке.

Паша резко дал газ, и лодка понеслась, взлетая на гребни волн. В том же направлении ринулись и другие охотники.

Чтобы как-то смягчить нагрузку на позвоночник, я упёрся двумя руками в поручень рулевой стойки, немного наклонившись вперёд. Кит опять исчез. Лодки сбавили ход, и все участвующие в охоте всматривались в тёмные воды моря.

– Паша, ты вот вспомнил старые времена, а как же чукчи охотились раньше без таких мощных моторов?

– На вёслах гонялись, а когда охотников не хватало, за вёсла сажали женщин.

– Вот почему в советское время в центральном

парке каждого города стояла скульптура «Женщина с веслом», – неудачно пошутил я, – сейчас на моторных лодках поймать не можем, а как же тогда?

– Гарпуны были длиннее, и линь длиннее, усилий для броска требовалось, конечно, больше.

Вглядываясь в море, я вспомнил рассказ гида, когда мы путешествовали по Южной Америке, по Патагонии.

Индейцы выходили на рыбалку в океан на лодке. За вёслами сидела жена, а муж, стоя с копьём, высматривал большую рыбу. Поймав добычу, мужчина садился на дно лодки, женщина гребла к берегу, а чтобы не разбиться о прибрежные камни, выпрыгивала в ледяную воду (Антарктида недалеко) и вытаскивала судёнышко на мелководье. Индейцы одежду не носили, натирали тело жиром морских животных для сохранения тепла и водоотталкивающих свойств.

Совершенно бесшумно в паре метров от нашей лодки вновь появилась огромная спина кита и так же бесшумно исчезла в глубине. Второй выход я воспринял менее эмоционально.

Лодки всё дальше и дальше удалялись от берега.

– Паша, мы уже не один час гоняемся за китами, сколько бензина спалили.

– Моторы и бензин нам даёт государство. Квартиры, кстати, тоже даёт.

Наш капитан резко развернулся, и мы на большой скорости погнали обратно к берегу.

– Паша, что случилось?

– Мне сообщили по радиации, что кита обнаружили недалеко от посёлка.

– А кто там смог увидеть, когда все охотники здесь?

– У нас на берегу есть следопыт, он в бинокль и увидел.

– А почему здесь не завершить дело?

– Мы далеко забрались от посёлка, долго тащить кита пришлось бы, да и огромный он слишком.

– Паша, я никак в толк не возьму, как строится охота?

– Всё просто: выбираем кита и начинаем гонять, чтобы он устал. Так животное всё чаще начнёт выныривать на поверхность моря, тут мы его и загарпуним.

Я посмотрел на капитана, лицо его стало напряжённым, читался азарт, словно он почувствовал, что только сейчас начинается настоящая охота. Паша вскинул руку вперёд и выпалил: «Смотри!» И направил туда лодку. Другие китобои тоже двинулись в ту сторону. Мне передалось Пашино состояние, я почувствовал внутреннюю дрожь, словно до этой минуты была ещё не охота, а её прелюдия. И вот оно! Началось главное действо! Лодки уже не останавлива-

лись, они крутились на относительно небольшом пятке, не сбавляя скорости. Китобои стояли в лодках с поднятыми над головой гарпунами, готовые в любую секунду сделать бросок. Чувствовалось, что вот-вот произойдёт главное событие. Ещё мгновение, ещё...

В тот момент вспомнились петроглифы под Беломорском, в Карелии, где мне довелось с группой волонтеров под руководством учёных Кембриджского университета работать над их расчисткой от дёрна. Там, на скалах, была изображена охота на китов. На рисунках охотники также стояли в лодках с гарпуном в поднятой руке, нацелившись на добычу. Прошло пять тысяч лет, а траектория броска та же, ничего в жизни не меняется. Предполагаю, что изменился только наконечник гарпуна. Сейчас он имеет ось вращения, при попадании кит дёргается, наконечник разворачивается и застревает под шкурой.

Китовая спина появилась над поверхностью моря, и тут же два гарпуна с соседних лодок почти одновременно полетели в животное. Первый прошёл по касательной и не смог зацепиться, а второй точно попал в цель. Кит с гарпуном в спине и восьмиметровым линём, на конце которого прикреплён большой оранжевый пластиковый воздушный шар, который чукчи называют «пых-пых», ушёл под воду.

Паша выдохнул: «Теперь он с «пых-пыхом» долго не сможет быть под водой, скоро вынырнет». И точно, кит вынырнул, и тут же в его спину вонзился ещё один гарпун. Кит опять скрылся под водой уже с двумя «пых-пыхами», но вскоре вновь появился. И ещё сразу три гарпуна попали в тело кита. С пятью воздушными шарами кит уже не смог погрузиться под воду и недвижимо лежал на поверхности. Ещё какое-то время его не трогали. Охотники сделали знак Паше, чтобы мы отплыли подальше. Потом раздались выстрелы.

– Капитан, зачем стреляли в кита?

– Если он ещё жив – надо добить. Нельзя мучить животное.

Затем охотники подтянули китовый хвост к лодке, вырезали в нём квадратное отверстие и просунули канат, закрепив его на корме. Чукчи работали слаженно, каждый знал свою задачу.

Четыре лодки, связанные канатом, выстроившись кильватерным строем, медленно буксировали кита в посёлок. Некоторое время мы наблюдали за транспортировкой, потом Паша завёл мотор и направил лодку к берегу. Я сидел на задней банке, глядя на море, и не чувствовал восторга от удачной охоты. На рыбалке я часто бывал, но на охоте – впервые. Убивать животных... Хотя кит похож на большую рыбу, но всё же животное. Да я и не убивал, только присутствовал... Права Надежда: я же ем мясо, ношу кожные вещи... Каждый человек рождён для своего де-

ла... В подтверждение этой мысли вспомнились слова старика из повести Хемингуэя «Старик и море»: «Ты родился, чтобы стать рыбаком, как родилась рыба, чтобы быть рыбой». Я, видимо, рождён для чего-то другого, не для охоты.

У меня было какое-то двойственное чувство: с одной стороны, жизнь чукчей становится лучше – живут в благоустроенных квартирах, гоняются за китами на лодках с мощными двигателями, детей учат в школе; с другой стороны, понимаешь, что они теряют этническую идентичность, что, впрочем, происходит во всём мире. Хорошо это или плохо, трудно сказать. Чукчи хотят сохранить самобытную культуру, но при этом жить как европейцы. Дети оленеводов, уехав учиться в городские интернаты, не стремятся возвращаться к привычному кочевому укладу жизни их родителей. Да и здесь, в Лорино, люди желают жить не хуже, чем в европейской части России, хотят есть заморские фрукты, посещать спортивные клубы, салоны красоты. А туристы мечтают увидеть своеобразие жизни людей в разных концах света, но таких мест в мире с каждым годом становится меньше, если не считать постановочные представления, как это имеет место в некоторых африканских странах.

Когда лодка причалила к берегу, я снял спасжилет и отправился домой переодеваться. Поднимаясь в гору, увидел идущих навстречу женщин и детей с пустыми вёдрами. Я повернулся к морю. Лодок ещё не было видно, значит, о поимке кита охотники сообщили в посёлок по радию.

Переодевшись и выпив чаю, я снова пошёл на берег встречать китобоев.

Кита на отмель вытаскивали трактором. Создавалось впечатление, что на берегу собрался весь посёлок. Мужчины в резиновых сапогах заходили в

воду и большими ножами вырезали куски мяса или сала. Поднимали вырезки, спрашивали: «Кому?» и бросали их в уже приготовленные вёдра. Дома женщины будут солить и коптить. Мясо морских животных – основная еда чукчей. Вода вдоль берега была окрашена алой китовой кровью. Для чукчей это был обычный день заготовки пищи.

Вечером собрались на прощальный ужин. С тоском выступил Михаил, наш гид. Рядом со мной сидел охотник Владимир, он обратился ко мне:

– Мне приятно видеть, что к нам на край света приехал такой пожилой человек...

– Слушай, тёзка, мне будет приятно, если ты будешь меня называть «молодым человеком».

– Хорошо. Мне приятно, что сидящий рядом со мной молодой человек, – продолжил Владимир и похлопал меня по плечу, – приехал к нам на край света в столь преклонном возрасте.

– А ты большой шутник, однако.

Туристы, слушая нас, дружно загоготали. Они вообще любили громко смеяться, забывая даже о том, что явилось первопричиной смеха. Ещё немного посидев, мы с Надеждой пошли собирать рюкзаки, завтра утром предстоял выезд на вездеходах в посёлок Лаврентия.

В подъезде двухэтажного дома, где мы жили, девушка из соседней квартиры расписывала красками стены: были изображены киты, дельфины, люди. На противоположной стене она большими буквами написала: «Чукотка – земля настоящих людей».

Наверно, в прошлой жизни моя душа обитала среди суровой северной природы, поэтому люблю путешествовать в полярных широтах. Здесь, на Чукотке, мне было спокойно, всё казалось знакомым и близким.

Владимир КРЕЧЕТОВ (Замышляев)

родился в 1953 году.

Инженер-технолог, психолог.

Печатался в литературно-художественных журналах и альманахах России, Германии, Великобритании, США, Греции, Украины и Казахстана.

Дипломант международного конкурса

«Север – страна без границ» (Satila of Sweden) и (третье место)

литературного конкурса имени К.С. Бадигина (Калининград).

В журнале «Север» публикуется впервые.

